

18+

КИРИЛЛ
ЛЕДОВСКИЙ

КРЫЛЬЯ ВОСПРИЯТИЯ

КНИГА 1

АРХИТЕКТУРА БЕЗУПРЕЧНОСТИ

Кирилл Ледовский

**Крылья восприятия. Книга 1.
Архитектура безупречности**

«Издательские решения»

Ледовский К.

Крылья восприятия. Книга 1. Архитектура безупречности /
К. Ледовский — «Издательские решения»,

«Крылья восприятия. Книга 1. Архитектура безупречности» — первая книга исследования пути донна Хуана как строгой архитектуры собирания человека. Корпус Кастанеды рассматривается не как эзотерика, а как маршрут: от очищения рассудка и внутренней дисциплины — к личной силе, воле, намерению и целостности. Это верхняя карта пути для тех, кому нужна не легенда, а ясная лестница преображения.

© Ледовский К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Почему возникла эта книга	6
Глава 2. Почему дон Хуан важен именно сегодня	9
Глава 3. Человек как существо внимающее	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Крылья восприятия. Книга 1. Архитектура безупречности

Кирилл Ледовский

© Кирилл Ледовский, 2026

ISBN 978-5-0070-3096-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-3097-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Почему возникла эта книга

Эта книга возникла не из академического интереса к Карлосу Кастанеде и не из желания ещё раз пересказать хорошо известный корпус. Она возникла из гораздо более жёсткой и человеческой причины. За более чем тридцать лет работы с этим наследием, на фоне чтения и внутренней проверки множества других учений, религиозных и околорелигиозных систем, эзотерических маршрутов и сектантских конструкций, стало ясно: у дона Хуана скрыт редчайший прагматический нерв, но обычный читатель почти никогда не добирается до него напрямую.

Обычно он получает не путь, а набор ярких слоёв. Ему в руки попадают растения, необычные состояния, сновидение, Орёл, союзники, точка сборки, тональ, нагваль, безупречность, stalking, смерть как советчик и множество других узлов. Всё это действительно присутствует в корпусе, но без живого дона Хуана рядом очень легко воспринимается как хаос сильных, но плохо связанных тем. Читатель начинает блуждать внутри этого материала, принимать сам факт движения по страницам за путь и очень часто не замечает, что годы уходят на хождение по кругу.

Именно поэтому книга понадобилась сейчас. Современный человек не может позволить себе десятилетиями плутать в духовном лабиринте. Он живёт в эпоху, где время, внимание и внутренняя собранность становятся слишком дефицитными, чтобы тратить их на плохо собранный маршрут. Эта книга возникла как ответ на такую потерю времени. Она нужна не затем, чтобы украсить корпус Кастанеды ещё одной интерпретацией, а затем, чтобы вернуть читателю жёсткую карту главного.

При этом сразу нужно сказать очень важную вещь. Современный западный человек — человек технологической цивилизации. И это не недостаток, а одно из величайших достижений той культурной линии, внутри которой мы живём. Такой человек не обязан любить туман. Он имеет право требовать ясности, конструкции, закономерности, проверяемости и результата. Это совершенно законное требование. Наука, техника, инженерное мышление и умение строить работающие конструкции не должны унижаться ради духовной романтики. Наоборот, именно они дают нам право отделять рабочее от нерабочего, маршрут от декорации, технологию от красивой болтовни.

И здесь происходит, возможно, самый неожиданный поворот. Если очистить путь дона Хуана от плохого перевода, от ранней педагогической оболочки и от поздней эзотерической пыли, он оказывается не чужд современному человеку, а удивительно ему близок. Это не религиозная рулетка, не мягкая утешительная система и не туманная поэзия о тайне. Это строгий маршрут, который работает с рассудком-диалогом, с телом-воспринимателем, с текучестью внимания, с безупречностью внимания, с волей-агапе и с целостностью внимания. Иными словами, перед нами не просто мировоззрение, а конструкция.

Эта конструкция особенно плохо читается в русском культурном поле. Здесь проблема не в одной неточной фразе и не в одном неудачном слове. Русский читатель слишком часто получает уже не прямой маршрут дона Хуана, а его многослойно смещённую версию. Иная цивилизационная матрица, испанский язык контакта, английский текст Кастанеды, русский переводчик, а затем ещё и русский эзотерический рынок — всё это породило тяжёлые смысловые сдвиги. В результате путь воина начал звучать как мистическая вероятность: повезёт или не повезёт, выпадет шанс или не выпадет, пройдёшь или не пройдёшь.

Именно отсюда рождается то, что автор считает одной из самых разрушительных ошибок русского чтения: превращение пути в духовное казино. Воин начинает восприниматься как игрок, который ставит жизнь на последнюю ставку и надеется, что ему выпадет редкая комбинация. Но у дона Хуана путь устроен не так. Воин — не игрок. Он не живёт по логике рулетки

и не собирает себя на удачу. Он собирает внимание, закрывает утечки, дисциплинирует теловоспринимаемость, ослабляет рассудок-диалог, перестаёт расплескивать себя в говорильне и тем самым делает результат возможным всей своей жизнью.

Здесь полезно привести очень простой пример, хорошо понятный человеку технологической эпохи. Никто не садится в исправную машину с мыслью, что сегодня она, возможно, поедет, а возможно, и нет — как выпадет. Машина устроена не как лотерея, а как конструкция. У неё есть устройство, режим работы, ресурс, условия отказа и условия надёжности. Если человек понимает устройство и соблюдает его логику, он получает закономерный результат. Путь дон Хуана в очищенном виде устроен именно так. Это не духовная рулетка, а строгая антропологическая технология собирания внимания.

Отсюда возникает и следующая причина появления книги. Необходимо вернуть этому пути его прагматизм. Автор подчёркивает именно это слово, потому что за свою жизнь прочитал и сопоставил множество учений, но лишь немногие из них обладают такой степенью внутренней строгости. В большинстве духовных систем слишком много мягкого утешения, символической надстройки, обещаний, красивых состояний и очень мало ясного, воспроизводимого маршрута. У дон Хуана, если читать его жёстко и без тумана, остаётся именно маршрут.

Этот прагматизм нельзя понять до конца, если не увидеть исторический узел, стоящий за линией новых видящих. Старые видящие в описании дон Хуана вовсе не были скучными ритуалистами и не жили в режиме мёртвого обряда. Напротив, это были люди огромной жизненности, текучести внимания, полноты мира и радости бытия. Это была жизнь — как — чудо. Мир для них был не скучным набором предметов, а живой, фантастически насыщенной реальностью. Но именно историческая катастрофа, Конкиста, преследование и выбивание линии заставили новых видящих стать предельно строгими. История выжгла ритуальный избыток и оставила только то, что реально ведёт к результату. Поэтому путь, дошедший до Карлоса, так беспощаден к лишнему.

Здесь становится понятна ещё одна важная вещь. Эта книга написана не для партии, не для кружка и не для школы. Она написана прежде всего для воина-одиночки. У дон Хуана есть и структура партии, и коллективный маршрут, и преемственность линии, и особое распределение ролей. Всё это имеет огромное значение. Но автор, к сожалению, не прожил и не собрал такой путь партии в том виде, в каком он был дан у дон Хуана. Поэтому эта книга сознательно ограничивает себя другим маршрутом: индивидуальным путём воина-странника, который идёт один, без живого нагваля, без коллектива и без поддерживающей среды.

Это ограничение не делает книгу слабее. Напротив, оно делает её честнее и строже. Если партия допускает распределение нагрузки, наличие товарищей и возможность быть вытащенным из опасных зон, то одиночка такой роскоши не имеет. Именно поэтому требования к безупречности внимания здесь выше. Одиноким воинам должен быть осторожнее, собраннее, точнее и гораздо менее склонным к духовным авантюрам.

Отсюда следует и важное предупреждение, которое нужно поставить уже в начале. Некоторые линии корпуса Кастанеды слишком соблазнительны для неподготовленного читателя. Особенно это касается сновидения. В этой книге сновидение не будет поставлено в центр маршрута одинокого воина. Не потому, что оно не существует и не потому, что оно не важно, а потому, что для одиночки это опасная лаборатория. Когда рядом нет партии, товарищей и тех, кто способен удержать и вытащить, подобные эксперименты могут привести не к росту, а к разрушению. Поэтому путь воина-одиночки здесь будет строиться прежде всего через стелкинг, дисциплину, собирание внимания и безупречность внимания, а не через погоню за особыми состояниями.

Именно в этом месте необходимо ввести и рабочие термины, которыми будет пользоваться книга. Не просто внутренний диалог, а рассудок-диалог — та внутренняя говорильня, которая непрерывно комментирует жизнь и подменяет её своим сопровождением. Не просто

тело, а тело-воспринимающий — не мешок с костями и не объект поклонения, а первая живая сцена встречи с реальностью. Не просто текучесть, а текучесть внимания — способность не застывать в схеме раньше времени и входить в течение ситуации до её окончательного схлопывания в предмет. Не просто безупречность, а безупречность внимания — не поза и не суровый стиль, а нерасплесканность, недопущение утечек и отказ отдавать жизнь внутреннему шуму. Не просто воля, а воля-агапе — иной способ держать мир и собирать себя, который потребует в книге отдельного раскрытия. Не просто целостность, а целостность внимания — такое состояние, при котором внимание перестаёт быть мозаикой незакрытых программ, висящих реакций и недожитых узлов.

Именно поэтому в книге так важен перепросмотр. Не как психологическая исповедь и не как красивый ритуал памяти, а как возвращение рассеянных кусков внимания. Пока человек существует одновременно в десятках незавершённых внутренних программ, его тело-воспринимающий забито прошлым, а целостность внимания невозможна. Он вроде бы живёт в настоящем, но на деле всё время распределён между остаточными сценами, незакрытыми реакциями и старыми узлами. Поэтому путь воина начинается не с чудес и не с эффектов, а с собирания внимания обратно в живое присутствие.

Так книга приходит к своей рамке. Она не пытается вместить в себя весь корпус Кастанеды. Она не является энциклопедией и не претендует на полное покрытие всех тем. Она сознательно берёт только ось пути одинокого воина. Многие понятия, технологии и линии сюда не вошли именно потому, что книга должна быть маршрутом, а не складом духовных деталей. Более требовательного читателя автор прямо приглашает к другой своей работе — «Антропологии внимания», где выстроен полный понятийный аппарат, введены расширенные термины, собран математический слой и предложена более тяжёлая теоретическая база. Настоящая книга берёт из этого корпуса только главное и переводит его в более живую и прикладную форму.

Итак, эта книга возникла затем, чтобы прекратить блуждание, снять туман вокруг Кастанеды, выправить разрушительные смысловые сдвиги и вернуть пути дона Хуана его подлинную строгость. Она написана для того, кто хочет не нового красивого словаря и не ещё одного кружка духовных впечатлений, а маршрута. И вопрос, с которого она начинается, предельно прост: ты ищешь туман или путь? Ты хочешь духовную рулетку или действительно хочешь собрать внимание? Именно отсюда и начинается путь воина.

Глава 2. Почему дон Хуан важен именно сегодня

Вопрос о значимости дона Хуана сегодня нельзя ставить как вопрос о культурной экзотике, об антропологическом курьёзе или о частном интересе к индейской магии. Если оставить его в этом регистре, он почти сразу станет музейной фигурой: да, когда-то существовал такой странный корпус, да, в нём были необычные состояния, странные термины и тяжёлые разговоры о свободе, смерти и восприятии. Но тогда он перестанет быть живым собеседником современного человека. Между тем подлинная проблема состоит не в прошлом, а в настоящем. Дон Хуан важен именно сегодня потому, что он говорит о той поломке, которая стала в цифровую эпоху почти нормой, — о распаде внимания и о подмене живой встречи с миром бесконечной внутренней и внешней интерпретацией.

Современный человек живёт в состоянии непрерывного сопровождения собственной жизни. Он почти никогда не остаётся наедине с тем, что происходит. Между ним и миром постоянно встаёт слой слов, схем, оценок, реакций, комментариев, уведомлений, чужих мнений, собственных страхов и заранее приготовленных объяснений. Он не просто смотрит — он тут же объясняет себе, что именно увидел. Он не просто чувствует — он сразу же сопровождает это внутренним текстом. Он не просто входит в ситуацию — он немедленно начинает интерпретировать её, раскладывать по полкам, сравнивать, прогнозировать, защищаться и оправдываться. В результате сам момент встречи с реальностью становится всё тоньше, всё слабее и всё менее доступным.

Именно здесь дон Хуана и нужно читать по-настоящему. Он не предлагает современному человеку ещё одно мировоззрение поверх уже имеющейся перегруженности. Он не прибавляет к шуму ещё один шум. Наоборот, он действует как разрушитель лишнего слоя. В его маршруте всё время проводится одна и та же жёсткая операция: отделить живой контакт от его автоматического сопровождения, вернуть человека туда, где он ещё способен реально внимать происходящему, а не только описывать его. В этом смысле дон Хуана нужно читать не как шамана старого мира, а как одного из самых радикальных критиков избыточной интерпретации.

Цифровая эпоха делает эту критику особенно острой. Сегодня человек всё чаще существует в режиме мгновенного схлопывания мира в предмет и реакцию. Стимул — и сразу метка. Событие — и сразу мнение. Чужое лицо — и сразу классификация. Текст — и сразу оценка. Опасность здесь не только в поверхностности. Гораздо страшнее то, что рассудок-диалог постепенно начинает считать этот режим единственно возможным. Он уже не замечает, что живёт не в мире, а в постоянной упаковке мира. И именно поэтому человек цифровой среды почти перестаёт различать, где заканчивается восприятие и начинается его автоматическое предмечивание.

На этом фоне путь дон Хуана оказывается поразительно современным. Он не требует от человека отказаться от западной ясности и не зовёт его в туман. Наоборот, он требует ещё большей строгости. Только это уже не строгость по отношению к внешнему объекту, а строгость по отношению к собственной сборке. Что именно внутри тебя захватывает мир? Где начинает работать рассудок-диалог? В какой момент тело-восприниматель перестаёт быть первой сценой встречи с реальностью и уступает место готовой схеме? Где внимание распадается? Где оно утекает? Где ты перестаёшь жить и начинаешь сопровождать жизнь? Это и есть те вопросы, без которых современный человек уже не может защитить себя от собственной эпохи.

Особое значение дон Хуана сегодня связано ещё и с тем, что современный человек живёт рядом с искусственным интеллектом и всё глубже втягивается в среду, где машина всё лучше делает именно то, что делает рассудок. Машина быстрее считает, быстрее классифицирует, быстрее сопоставляет, лучше работает в зоне паттернов, схем, статистических повторов

и языковой упаковки. Если человек окончательно сведёт себя к рассудку-диалогу и к объектной переработке мира, он очень быстро окажется существом, проигрывающим машине на её же поле. И тогда у него почти не останется собственного пространства. В этом смысле путь дон Хуана важен не как бегство от современности, а как возвращение человеку той территории, которую никакой искусственный интеллект не может заменить: территории живого внимания, телесного различения, текучести внимания и внутренней собранности до окончательной схемы.

Это особенно важно потому, что современная культура почти всё время предлагает обратное. Она зовёт к расширению доступа, а не к углублению присутствия. К большому количеству связей, а не к большей точности связи. К большому числу впечатлений, а не к большей плотности одного впечатления. К ускорению реакции, а не к очищению восприятия. К удобству, а не к собиранию. В результате человек постепенно разучивается жить в непосредственном соприкосновении с миром и всё больше обитает в режиме заранее нарезанных смыслов. Дон Хуан нужен именно как противоядие к этой культурной логике. Он напоминает, что человек теряет себя не только тогда, когда страдает, но и тогда, когда слишком удобно перестаёт внимать.

Есть и ещё одно обстоятельство, делающее этот маршрут современным. Поздний человек страдает не только от шума, но и от избытка психологизации. Ему всё объяснили: почему он тревожится, почему устал, почему не может собраться, почему всё время прокрастинирует, почему избегает, почему боится, почему повторяет сценарии. Но это объяснение слишком часто не возвращает ему жизни. Оно превращает его в человека, который всё лучше понимает свою поломку, но всё хуже умеет реально собираться. Дон Хуан в этом смысле беспощаден. Он почти никогда не предлагает человеку утешительного языка самопонимания. Его интересует не описание слабости, а выход из неё. Не тонкость рефлексии, а прирост внимания. Не право на бесконечное самообъяснение, а способность перестать жить как одна только говорильня.

Отсюда становится видно, почему этот путь так близок лучшему нерву западной цивилизации. Не потому, что он похож на науку по словарю, а потому, что он требует такого же уважения к конструкции, к закономерности и к результату. Здесь недостаточно «что-то почувствовать». Недостаточно красиво говорить о намерении, свободе, Орле или иных режимах реальности. Если маршрут не меняет самого человека, если он не уменьшает распыл, не ослабляет рассудок-диалог, не возвращает телу-воспринимателю его первичное место и не увеличивает безупречность внимания, значит человек остался внутри духовной иллюзии, как бы богато она ни выглядела.

Современный читатель особенно нуждается в такой жёсткости ещё и потому, что слишком привык путать необычное с существенным. В цифровую эпоху любая сильная новизна, любой яркий образ, любой необычный опыт почти автоматически получает статус ценности. Но путь дон Хуана учит противоположному. Не всё яркое существенно. Не всё редкое важно. Не всё странное является шагом вперёд. Иногда самым сильным движением оказывается не новое впечатление, а прекращение внутренней утечки. Не прорыв в необычное, а возврат к тому, что уже давно было предано шуму. Не расширение внешнего опыта, а собирание рассеянного внимания.

Именно поэтому дон Хуан важен сегодня не меньше, а больше, чем в эпоху первого появления этих книг. Тогда его маршрут мог казаться ударом по рациональному самодовольству западного интеллигента. Сегодня он стал ещё и ударом по цифровой рассеянности, по автоматическому комментированию, по засилью рассудка-диалога и по соблазну жить внутри бесконечной интерпретации. И если читать его очищенно, без тумана и без духовного казино, становится видно, что он говорит современному человеку одну очень строгую вещь: пока ты не вернул себе внимание, ты не вернул себе жизнь.

Именно к этому нас и подводит следующая глава. Чтобы понять, почему весь маршрут дон Хуана вращается вокруг собирания человека, нужно сначала ясно увидеть, кем является сам человек до всех своих ролей, описаний и культурных упаковок. Не как носитель биографии, не как функция, не как говорящая машина, а как существо, которое внимает.

Глава 3. Человек как существо внимающее

Человек слишком рано начинает думать о себе через уже готовые слова. Он успевает обзавестись именем, возрастом, биографией, характером, социальной ролью, тревогами, привычками, вкусами, комплексами и самоописанием, прежде чем вообще задаёт себе более ранний и гораздо более важный вопрос: кем он является до всей этой поздней словесной надстройки? В обычной культуре на этот вопрос отвечают либо слишком абстрактно, либо слишком быстро. Говорят, что человек — существо разумное, социальное, культурное, историческое, символическое. Всё это может быть верно, но для нашей книги этого недостаточно. Мы должны поставить в центр не разум вообще и не роль вообще, а внимание. Человек в самом первом и самом строгом смысле есть существо внимающее.

Эта формула требует немедленного пояснения, иначе она будет понята слишком легко и потому неверно. Речь не идёт о внимании как о школьной концентрации, не идёт о психологическом навыке «лучше сосредотачиваться» и не идёт о бытовом совете быть внимательнее. Внимание в этой книге означает нечто глубже и первичнее: тот слой, на котором человек вообще впервые встречается с миром, ещё до того, как рассудок-диалог успел всё назвать, объяснить, оценить, упаковать и встроить в привычную схему. Человек живёт настолько, насколько он способен выделять, удерживать, различать и не давать происходящему проходить сквозь себя бесследно. И именно в этом смысле он есть существо внимающее.

Здесь проходит одно из важнейших различий всей книги. Есть живая встреча с происходящим, а есть её позднее предмечивание. Сначала нечто касается человека, входит в него, сдвигает дыхание, меняет тонус, собирает слух и зрение, делает тело-восприиматель внимательным к тому, что реально происходит. И только потом рассудок-диалог начинает выполнять свою работу: давать имя, строить описание, определять угрозу, раскладывать по полкам, присваивать смысл, выводить реакцию и вписывать всё это в уже готовый мир. В культуре позднего человека эти два слоя почти полностью слились, из-за чего он вообще перестал различать, что есть первичное внимание и что есть вторичное описание.

Именно поэтому человек сегодня очень часто путает понимание с опредмечиванием. Ему кажется, что если он быстро назвал происходящее, то он его уже понял. Если он нашёл правильное слово, то он уже различил суть. Если он немедленно почувствовал знакомую эмоцию, то он уже «реально воспринял» ситуацию. На деле всё может быть наоборот. То, что он называет пониманием, часто является слишком ранним схлопыванием внимания в готовый предмет. Он даже не успевает побыть рядом с тем, что возникло, как уже превращает это в известное. Именно это и делает позднего человека столь уверенным и столь слепым одновременно.

Чтобы различие стало телесно ясным, полезно взять не абстрактный, а предельный пример. Есть страх тела-восприимателя, а есть страх рассудка-диалога, и это не одно и то же. Рассудочный страх почти всегда связан с образом будущего. Он говорит: что теперь будет, как это разрушит мои планы, как я буду дальше жить, что я потеряю, что обо мне подумают, как из этого выкручиваться? Это страх уже опредмеченный, уже встроенный в рассказ, уже превращённый в сценарий. Телесный страх устроен иначе. Когда тело-восприиматель действительно сталкивается с угрозой, оно не философствует. Оно не комментирует. Оно не строит длинный текст. Оно меняет всё существо сразу: дыхание, слух, зрение, тонус, плотность присутствия, скорость реакции. Иногда человек в таком состоянии делает то, чего «не должен был бы мочь» по обычным меркам. Не потому, что в него вселилось чудо, а потому, что тело-восприиматель в точке предельного внимания работает иначе, чем рассудок-диалог в своей тревожной говорильне.

Современный человек почти перестал различать эти два страха именно потому, что слишком рано отождествил себя с рассудком. Он думает, что он и есть прежде всего внутрен-

ний голос, который непрерывно что-то комментирует, прогнозирует и объясняет. Чем больше этой говорильни, тем глубже он себе кажется. Чем больше самообсуждения, тем богаче кажется его внутренний мир. Но это одна из самых опасных иллюзий поздней культуры. Рассудок-диалог — не всё существо человека, а лишь один из его органов. Полезный, сильный, иногда почти гениальный в зоне схем и конструкций, но всё же не равный самому человеку. Когда человек слишком рано отождествляет себя с этим органом, он постепенно перестаёт развивать то, что в нём воспринимает до слова.

Именно здесь нужно вернуться к раннему развитию. Ребёнок входит в мир не как маленький теоретик, а как существо с ещё не до конца схлопнутым вниманием. Его внимание ещё менее дисциплинировано, менее устойчиво, но оно и менее упаковано в слова. Он ещё не живёт в плотной сетке интерпретаций. Мир входит в него сильнее, прямее, телеснее. Потом начинается культурная работа. Ребёнку объясняют, как называются вещи, чего нужно бояться, чем гордиться, что считается успехом, кто он такой, каким он должен быть, как правильно реагировать. Без этого в человеческий мир войти невозможно. Но у этой дрессировки есть цена: рассудок-диалог начинает постепенно перехватывать внимание на себя. Он уже не просто помогает выделять и удерживать, а начинает заслонять собой саму живую встречу.

Подростковый перелом особенно важен в этом процессе. Подросток часто переживает его как рост силы, но очень часто это рост захвата внимания самостью. Он начинает непрерывно защищать образ себя, тратить огромное количество внимания на статус, позу, сравнение, признание, обиду, демонстрацию независимости, борьбу за место. Ему кажется, что он наконец становится собой. На деле внимание всё больше уходит не в реальное присутствие, а в обслуживание внутреннего образа. И культура тут же подсовывает готовые формы дальнейшего распада: алкоголь, возбуждение, шум компании, статусные игры, потребление, цифровую дрожь, бесконечный поток контента, сравнение себя с другими. Всё это выглядит как взрослая жизнь, но по существу означает одно: внимание всё больше захватывается внешним и внутренним шумом.

На этом фоне особенно важным становится то, что у дона Хуана можно назвать текучестью внимания. Здесь требуется ещё одно уточнение. Текучесть внимания — это не мягкость характера, не бытовая адаптивность, не просто ловкость и не романтическая «спонтанность». Это способность не застывать в схеме раньше времени. То есть жить внутри течения ситуации, а не только внутри её последующего описания. Человек с текучестью внимания не ждёт, пока рассудок-диалог всё окончательно опредметит, разложит и разрешит действовать. Он успевает различить изменение ритма, направление опасности, скрытый сдвиг, перемену плотности происходящего, ещё до того, как всё это окончательно будет переведено в готовую формулу.

Именно поэтому образы охотника и жертвы в корпусе Кастанеды нужно читать осторожно. В бытовом русском слухе охотник слишком легко понимается как тот, кто сильнее, хищнее, агрессивнее и действует по заранее заготовленной схеме добычи. Но нерв дона Хуана здесь не в этом. Охотник в глубинном смысле — это не схема нападения, а способность оставаться внутри текучести внимания. Жертва же — не просто слабое существо. Более того, пример оленя показывает, как легко бытовая логика здесь запутывает читателя. Олень как раз может быть существом с огромной точностью живого внимания. Поэтому буквальное прочтение этой пары сбивает с пути. Гораздо точнее сказать так: охотник у дона Хуана — это фигура человека, который не схлопнулся в схему раньше времени и умеет жить внутри текущего внимания.

Это хорошо видно в тех областях жизни, где схема не спасает без живой собранности. Охотник в тайге, альпинист на склоне, человек в аварийной ситуации, хороший водитель в критическую секунду, тот, кто работает в резко меняющейся обстановке, — все они могут пользоваться инструкцией, опытом, тренингом, заранее заготовленными решениями. Но наступает момент, когда известной схемы больше недостаточно. Тогда решает не просто

интеллект, а текучесть внимания: способность мгновенно входить в течение самой ситуации. Можно превосходно описать опасность и полностью провалиться в самой опасности. Можно иметь подробнейшую инструкцию и потерять голову в первом реальном смещении обстановки. Поэтому путь внимания в этой книге будет означать не отказ от схемы, а восстановление той глубины, без которой схема превращается в ловушку.

Это различие особенно важно для человека поздней организационной цивилизации. С точки зрения коллективных процедур, логистики, учёта, накопленного опыта и координации схема почти неуязвима. Пока всё идёт в рамках известного, она работает блестяще. Но когда приходит то, что ещё не опредмечено, ещё не описано и ещё не разложено по папкам, человек оказывается беззащитен не потому, что он глуп, а потому, что его внимание давно разучилось жить до схемы. Именно это и делает современного человека парадоксальным существом: коллективно он силён как никогда, а индивидуально в живой новизне часто очень хрупок.

Отсюда становится видно, почему в этой книге человек не будет определяться ни через личность вообще, ни через разум вообще, ни через абстрактную субъектность. Человек — это тот, кто внимает. Качество его жизни прямо зависит от качества его внимания. Если внимание мутное, жизнь становится мутной. Если внимание расплывчатое, жизнь расплывается. Если внимание всё время захвачено чужими раздражителями, человек начинает жить чужим ритмом. И напротив, если внимание начинает уплотняться, человек меняется иногда быстрее, чем сам ожидал: он раньше замечает фальшь, точнее чувствует людей, спокойнее выдерживает напряжение, меньше врёт себе, быстрее различает, куда не надо идти, и лучше удерживает живое присутствие.

Но это не означает, что рассудок-диалог нужно убить. Он нужен, как нужен любой рабочий орган. Проблема не в его существовании, а в узурпации. Пока рассудок-диалог захватывает всю сцену, человек не только говорит, но и живёт внутри говорильни. Пока тело-восприиматель отодвинуто на второй план, мир уже успевает превратиться в описание раньше, чем был реально встречен. Пока внимание всё время схлопывается слишком рано, никакая воля-агапе не может войти как иной способ держать мир. Поэтому путь дон Хуана в современном переводе начинается не с мистики и не с эффектов, а с возвращения к человеку как к существу, которое вообще ещё способно внимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.